

Сергей Черсков

Оранжевый солдатик

СТИХИ

Сергей Черсков

Оранжевый солдатик. Стихи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23462955

ISBN 9785448395697

Аннотация

В стихах Сергея Черскова целый мир. Мир заштатного провинциального заводского городишки, разорённого весёлыми девяностыми, из которого не выбраться, не сбежать, ты его заложник, и дорога оттуда только одна – лестница на небеса.

Содержание

Ветер	7
Кошка	8
Горе	10
Зелёный	11
Звери	13
Пег энтуисл	14
Дядька и Анжела	16
Саван	17
Тульский пряник	19
Оранжевый солдатик	20
Пули в молоко	21
Буду твой	22
Старик и море	23
Колесо	24
Костры и звёзды	26
Остановка	27
Рядовой	29
Мешает	31
Год	32
Дальней дорогой	33
Променаж	34
Городское сумасшедшее	36
Дурак	37

Весело и грустно	39
Забавы ради	41
Радость	42
Не верю	43
Пустоцвет	44
Отрава	45
Зима	46
Сказочное	47
Чистилище	48
Зимородки	50
День рождения – ночь январская	51
Любаша	53
Водолей	55
Морфин	57
Курилка	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Оранжевый солдатик

Стихи

Сергей Черсков

Дизайнер обложки Вера Филатова

Корректор Полина Орынянская

© Сергей Черсков, 2017

© Вера Филатова, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4483-9569-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В стихах Сергея Черскова целый мир. Мир заштатного провинциального заводского городишки, разорённого весёлыми девяностыми, из которого не выбраться, не сбежать, ты его заложник, и дорога оттуда только одна – лестница на небеса. Это мир, который рушится, тает на глазах, из которого день за днём уходят тепло, любовь, надежда... А человек остаётся, встречает на обшарпанной автобусной остановке свои иллюзии и провожает мечты. А потом пьёт, потому что другой анестезии жизнь ему не предложила. Слаб человек? Или силен – тем,

что среди такой апокалиптической разрухи не просто
выживает, а живёт и бесконечно верит?

Полина Орьянская

Ветер

Ты знаешь, я теперь и чист, и светел,
Хотя порой и переменчив нрав.
Могу быть штормом, но пока я – ветер.
И вместо крови – запах горьких трав.
Я спал на поле, но пришли босые —
Родные двое, за руки держась.
Не холодно от утренней росы им.
Я резко поднимаюсь в небо – шась!
Одна из самых сказочных идиллий:
Они свернули в сторону мою,
А я – парю, невидимый и тихий,
Как будто потревожить их боюсь —
Поверх голов, подальше от земли.
И вот они подходят ближе, ближе,
Трава им пятки бронзовые лижет.
И мы с тобою так идти могли же...
И мы могли же, если бы могли.

Кошка

Кошке плохо девятый день.
Градуированной пипеткой
Я вливаю ей в пасть бурдень —
Кипячёной воды с таблеткой.

Я не то чтоб её любил,
Эту кошку моей подруги,
Но считают же нас людьми
Надоевшие нам зверюги.

Тварь дрожащая бьёт хвостом,
Тихо стонет по-человечьи.
Я готовлю опять раствор
И надеюсь, что станет легче.

Под безжалостный метроном
Не закрытого плотно крана
Я на кухне курю в окно.

Баба сопли пускает в ванной,
С кем-то спорит, но не со мной,
По-звериному привывает...

Кошка снова идёт на дно.

Девять жизней – и ни одной?

Невозможно. Так не бывает.

Горе

*Мои друзья всегда идут по жизни маршем,
И остановки только у пивных ларьков.*

В. Цой.

На первый взгляд,
 всё происходит, как и раньше —
Мои друзья всегда идут по жизни маршем.
Но мне так хочется, чтоб шли они подальше,
Не завернув к пивным ларькам!
Нет большей глупости, чем мысль,
 что время – лечит...
Когда «прощай»
 воспринимаешь как «до встречи»,
И горе вязкое бесшумно прячут свечи
В запарафиненный стакан.

Зелёненкокий

...Небесный путь – опасная дорога.
Об этом знают все, кто были там.
Зенитчик сбил зелёненкокого бога,
Который на тарелке пролетал.

...Возможно, с кораблём случилось что-то,
Он шёл не быстро и не высоко,
Но грянул гром – объект свалился в штопор,
Срезая среднерусский косогор.

...Немедленно примчались особысты.
Достав из-под обломков малыша,
Солдата допросили, взяв подписку
О том, чтоб ничего не разглашал.

...Достойный сын своей страны бескрайней
Отправлен в отпуск, но – всегда в строю.
Зенитчик счастлив – он садится в лайнер,
Спеша увидеть девушку свою.

...Разведчики с Центавра знают имя.
Но демон ли тот парень молодой?
Его простила вдовая богиня,
Рыдая в семипалую ладонь.

Звери

Продрогшая земля усыпана побелкой.
Синюшный лик луны косит на фонари.
Ко мне подходит волк, он мучается «белкой»,
Он хочет растерзать, он хочет закурить.

Не помню,
Сколько лет мы смотрим друг на друга,
Но знаю: у него всегда с собою нож,
Он с детства был хорош – отчаянный зверюга.
Я никогда ему не верил ни на грош.

Но нам не суждено под злыми небесами
Порадовать чертей оскалом огневым.
Мы знаем назубок, хотя и не писали:
Ему – с волками жить,
Мне – выть или не выть.

Он ковыляет прочь – несёт печаль кобелью,
За пазухой пригрев, к пруду, за гаражи.
Но – чу! Придёт весна и зазвенит капелью.
И значит, быть добру.
И значит, будем жить.

Пег энтуисл

*Наверное, я трусиха. Простите меня за все.
Если бы я сделала это намного раньше, то
многих могла бы избавить от боли. П. Э.
Предсмертная записка*

Привет, друзья! Меня зовите Пег,
Хотите – Милли, Миллисент, Мелисса...
Погибшая за призрачный успех,
Несчастливая, забытая актриса.
А тот, рукой которого пишу, —
Хороший парень (он просил рекламы).
Простой мужчина – как и чем дышу
Понять не сможет. Могут только дамы.

Девчонки, не смогла я побороть
Отчаянный кошмар закрытой двери.
Зачем любви и счастья наш Господь
Для каждого по-разному отмерил?
А тот, рукой которого пишу,
Налил в большой стакан какой-то мути
И выпил залпом. Девочки, спешу,
А то он мрачно скалится и шутит.

Звездой не стала, но взяла звезду
С ночных небес и, вновь поверив в чудо,

Шагнула вниз по грешному мосту
С начальной буквы Знака Голливуда.
А тот, рукой которого пишу,
Устал, а может попросту боится.
Обиды на него я не держу,
Ведь он помог увидеть ваши лица.

Дядька и Анжела

Дядька влюбился в канцлера ФРГ.
Ходит-бормочет: «Анжела моя, Анжела...»
Лучики солнца ликуют в его пурге,
Мрачному дядьке реально захорошело.

Бестолку говорить, мол, да как же так,
Вечно она ерепенится, нас ругая.
Дядька ответит, что жизнь его прожита,
Опыт ему подсказал, что она – другая.

...Снова она по телеку чушь несла.
Дядька разбил аппарат и готов к поступку.
Злится Анжела, однако любовь не зла.
Русский возьмёт и Берлин, и свою голубку.

Саван

Ты прощать меня не стал,
Захиревший город.
Я пока ещё не стар,
Ты уже не молод.

Гаснет «Космос» на ветру.
Холодок по коже.
Я, конечно же, умру,
Ты, конечно, тоже.

Смерть возможно иногда
Даже не заметить.
Это знают города
Разные на свете.

Не сходи, родной, с ума
И себя не тешь ты —
Шьёт кудесница-зима
Белые одежды.

Саван скроет от чужих
Язвы и порезы.
Не хватает мне души,
Чтобы плакать трезвым.

На дороге нет машин.
Буду ждать машину.
На прощанье помаши,
Сволочь, помаши, ну...

Ты держать меня не стал.
Слышу звук мотора.
В небе новая звезда
Загорится скоро.

Тульский пряник

Я купил ей большой тульский пряник —
Глазированный, мягкий, сладкий...
Все девчонки (ушла ставить чайник)
На лакомство тульское падки.

Задувала на чай для порядка,
Вынимала из тапка ножку...
И красивую тёплую пятку
Чесала серебряной ложкой.

Оранжевый солдатик

Опять она считает поезда —
Оранжевый солдатик в старой будке,
А с ней дежурит сутки через сутки
Железная дорожная звезда.

Опять она с темна и до темна
Внимательно следит, забыв про чайник,
Как мчится вдаль, её не замечая,
Огромная товарная страна.

Опять она сигналиит на сигнал...
Опять она передвигает рельсы...
«Ах, боже мой... да что же я... а если
Уйти по ним отсюда навсегда?»

...Опять она садится у окна
И греет чай на линиях ладоней,
Пока звезда, сорвавшись, не утонет
В холодной чаше, выпитой до дна.

Пули в молоко

На меня напала блажь – я подумал: «Хорошо бы
Не свою – чужую – боль отодвинуть далеко»,
Но не вышло ни черта – я изрядно рукожопый,
И летят мои дела, словно пули в молоко.

И слова мои тупы в этом сказочном бедламе,
Я родился, как назло, родниковым дураком.
Потому слова мои не расходятся с делами
И летят делам вослед, словно пули в молоко.

Не могу ничем помочь, так хотя бы намечтаю,
Растопырившись ежом, грохну в стену кулаком.
Но пугливые мечты – растревоженная стая —
Улетают от меня, словно пули в молоко.

И во сне, и наяву я тону в молочных реках.
Не жалея ни о чём и отчаянно легко,
От кисельных берегов отрываюсь без разбега
И лечу, лечу, лечу, словно пуля в молоко.

Буду твой

Твои глаза спокойны и пусты,
И взгляд пугает этой пустотой.
Но я уже давно с тобой на «ты»,
Я жду, когда ты тихо скажешь: «Стой».

Ты попусту словами не соришь,
Твоё молчанье хуже всех угроз.
Но час придёт, и ты заговоришь...
Когда?
Ответ я знаю на вопрос.

Когда уйдёт последняя,
Прошелестев листвою,
Гроза живая летняя, —
Тогда я буду твой.

Старик и море

В одном плохом богоугодном месте
В тяжёлых коридорных сквозняках
Болезнь и нищета гуляют вместе,
Утапывая злого старика.

Его худое тело узловато.
Скрипит фальцет, как якорная цепь.
А то, что помирает небогато,
Так никогда от золота не слеп.

Старик силён. В аду его постельном
Немая память побеждает страх —
И море разливается по венам,
И пена закипает на губах.

Там – юность на бушующем просторе,
Тут старость – обмелевшая река.
Старик уснёт и вновь увидит море...
Но море ждёт другого старика.

Колесо

По вечернему морозцу, у прохожих на виду,
Я в коричневом пальтишке
вместе с матушкой иду.

В доме отчима сказали: я – ублюдок, мама —...
Только матушка решила это так не оставлять.

В диетической столовой мы вареников съедим,
Снова матушка поплачет:
я – любимый, я – один.

А потом пойдём посмотрим интересное кино:
Драки, битвы, перестрелки, лимонад в буфете, но

Нас опять отыщет отчим, он умеет догонять,
Будет плакать, извиняться —
мама будет извинять.

Он возьмёт меня на плечи – классно так —
сойти с ума!
Мама, папа, день рожденья и поэзия сама.

– Холосо пою я, мама? Холосо? Ну, холосо?
– Хо-ро-шо, сынок...

И в гору покатилося колесо.

Костры и звёзды

Седое утро гасит звёзды
И лишь одну – не потушить.
Все объяснимо слишком просто:
Она смертельно хочет жить.

Мне никого теперь не жалко,
И никому не жаль меня.
Ночь постарела, обветшала —
Пришёл рассвет другого дня.

Глубокомысленные свитки
Горят, как чистые листы.
Безумец, брось свои попытки —
Спасти меня не можешь ты.

А ночь придёт. Под небом звёздным
Зажгутся новые костры.
Прими, пока ещё не поздно,
Такие правила Игры.

Остановка

На забытой всеми остановке
Постер на обшарпанной стене:
Целый мир с айфоном по дешёвке,
Целый мир по бросовой цене.

Да кому он нужен, этот глобус?
Запаршивел глянцевый восторг.
Где автобус? Укатил автобус,
Тяжко чертыхаясь, на восток.

Сигарета на четыре вдоха...
Я окурок втапываю в грязь.
Кашляю в кулак – и слышу грохот.
Я устал, с простудой борясь.

Тихо. Ветер ничего не носит.
Пусто, словно все заражены.
Благодать... Покойно дремлет осень,
Пользуясь режимом тишины.

На забытой богом остановке
Есть портал в простреленной стене:
Целый мир с айфоном по дешёвке,
Целый мир по бросовой цене.

Рядовой

Ненависть... Эта река глубока, сильна.
С той и с другой стороны говорят по-русски.
Снова на русскую землю пришла война.
Бронежилеты, сферы, АК, разгрузки.

«Встань, рядовой!
Вот приказ: прекратить войну!» —
Небо гремит у разбитого обелиска.

«Фрицы... сейчас бы гранату ещё одну...
Кто это? Что это? Чей это голос близко?..»

Воину, павшему семьдесят лет назад,
Нет и не будет покоя на э (том) свете.
Он восстаёт, и зияют его глаза,
Он обрастает плотью, и страшно смерти.

Он озирается, ищет свой ППШа.
Он поправляет истлевшую гимнастёрку.
Где-то под нею не рана болит – душа —
Необъяснимо, немислимо и жестоко.

Всё, что он помнит, – такой же стоял туман,
Так же бесились без усталости пулемёты.

Небо решило: живые сошли с ума.

Небо, спасая живых, призывает мёртвых.

Мешает

*Очень смешно, но смеяться мешают крючки.
Наталья Закурдаева*

Кому-то
мешают смеяться крючки,
Кому-то
носы – целоваться.
Жесть, если что-то мешает —
Профану танцпола известно.
Глупость – мешает спросить,
Ум – дать ответ на вопрос,
Мишень никому не мешает,
Но...
в неё стрелять интересно.
Во мне плачет малый ребенок,
Тянет к тебе ручки-ветки.
Я их ему обломаю.
Я помешаю.

Год

П. О.

Плечом к плечу стояли в ряд,
Их было триста шестьдесят
Угрюмых дней.
Но пять – других – летели мимо,
Красивы и необъяснимы,
И все – с улыбкою твоей.

Дальней дорогой

Дальней дорогой сшиваются города.
Спит на переднем сиденье моя родная.
То, что – моя – родная, – она не знает.
И не узнает, конечно же, никогда.

Зашевелилась – проснулась. Поговорить
Хочется с ней: до разлуки доедем скоро...
Ну, котелок мой дырявый, давай вари,
Выдумай тему для свежего разговора!

В мире, наверное, нет дурака глупей.
Тщетно ищу интеллект пятернёй в затылке.
Вдруг она обернулась и:
– На, попей.
Я говорю:
– Давай. И беру бутылку.

Мне бы на море, я не был там никогда.
Пусть мне приснится, как волны ласкают кожу.
Пусть мне приснится, что мы не разлей вода.
Не разливай нас по разным стаканам, боже.

Променаж

*Ничто не реально
и ничто не заслуживает внимания.
...Земляничные поляны навсегда.
Джон Леннон*

Иду в незашнурованных ботинках,
Шикарное дырявое трико
На мне. Навстречу бабка с хворостинкой,
Дерёт козу, чтоб было молоко.

Для грусти не имеется причины,
Не страшно мне, что дырка на штанах.
«Мерси-с, пардон!» – раскланиваюсь чинно
С прохожими. «Чего?! Пошёл ты нах...»

Вдруг слышу: за спиной стучат подковы —
Педальный конь, а может, бес какой?
Оборотясь, я вижу: участковый...
Машу ему приветливо рукой.

Иду (в походке видится порода)
Прочь с грязных улиц к сказочным лугам,
От мира, что страшнее год от года.
Жую клуб... земляничный бабылгам.

О бабах, кстати... Нет, совсем некстати.
О них, пожалуй, в следующий раз —
Об их очах, плечах и гордой стати
Я долго разглагольствовать горазд.

Я мог надеть ботинки поприличней,
Костюмчик модный, галстучек к нему,
Но там, куда иду, на Земляничных
Лугах, все барахлишко ни к чему.

Городское сумасшедшее

Зачем нам умничать, скажи?
Ведь ты и так умна безумно.
По переулку алкаши
Бредут походкою безлунной,
Фонарный свет который год,
Кивки на вежливое «здрасьте»...
И только местный идиот
Всё время светится от счастья.
Господь сказал ему: «Иди!
Всех ненормальных отогрей-ка!»
И с той поры в его груди
Никак не сядет батарейка.
Идёт, смеётся, чёрт чудной,
И не сбавляет оборотов...
Твой путь – один, а мой – иной,
А идиота – идиотов.
Не ум приносит мир сердцам,
И понял я совсем немного:
Во мне талант от мудреца,
В тебе – от Бога.

Дурак

Шляется опять, вздыхая тяжко,
Щурясь на скупой небесный свет,
Безобидный дурень-доходяжка,
Коего смешнее в мире нет.

Все к нему всегда со всей душою:
Старые – водярой замутят,
Малые – накурят анашою,
Девки ржут – аж чешется в мудях.

И когда он коротает с ними
День-деньской, откуда ни возьмись,
Мысль у дурака: гори он синим
Пламенем, весь мир, и вширь и ввысь.

И тогда он вскидывает руки,
Слушает рождённые не здесь
Тихие чарующие звуки —
Вкрадчивую музыку небес.

– Ты чего, дурак?

– Я композитор!

– Как же так? Ведь ты не знаешь нот!

– Мне поможет Не... ме... Не-ме-зи-да.

Все смеются. И ему смешно.

Весело и грустно

Восемь дней без выпивки,
девять дней без бабы —

Что поделать, жизнь моя – кочки да ухабы.
Отцвела свобода слова в строгих кабинетах,
Я включаю телевизор и смотрю «Про Это»...
Как заморский гамбургер – дёшево и вкусно,
Так сегодня весело и немного грустно
Мне.

Девять дней без выпивки,
десять дней без бабы —

Это безобразие прекратить пора бы.
«Фантастические» дни, к счастью, миновали,
Я беру бутылку «белой» и шагаю к Вале...
Валя напечёт на закуску пирожков с капустой,
Будет очень весело и немного грустно
Мне.

Зрю крученье у виска крашеного ногтя —
Что поделать, в бочке мёда снова ложка дёгтя.
Почему не понимаешь ты меня, родная?
Потому, что я хочу, а чего – не знаю...
На душе скребутся кошки и на сердце груз, но
Скоро станет весело и немного грустно

Мне.

Забавы ради

Забавы ради?.. Написать письмо,
Признаться в том, о чём сказать не смог
В глаза любимой женщине смешливой,
С которой только раз под руку шли вы.
Горите, тополя, в аду заката,
Тропинку заносите красным пеплом...
...Выходит ломко, странно и нелепо.
Натужный карандаш, кривые буквы
Уродливы и вычурны как будто.
Тугая тишина подходит к горлу
И вязнет на зубах.
Бывает. Не судьба.
Хорошая. Плохая. Много. Мало.
Порвать бумагу и начать сначала.
Писать, курить и в зеркало смотреть —
Какой, однако, славный идиот!
Но вот к столу вразвалочку идёт,
Найдя твой след, спасительный рассвет.
И дымный воздух радостен и чист.
Спи, эгоист.

Радость

Такая радость, братья-чуваки,
Пока до крови сбиты кулаки,
И разум не остался на асфальте,
Ну, вы поймите и зубов не скальте:

Там, за границей гетто, есть страна,
В которой едет женщина одна
На тёплом и большом автомобиле,
Считая с милым города и мили.

Услышали? Смекнули? Значит, ша!
Мы ошибались, вот она – душа —
Колотится и бьётся бубенцами.
Напрасно нас родили мертвецами,
Ведь наша жизнь уродством хороша.

Не верю

Я в ярости, ко мне не подходи —
Мозги потеют от глобальных мыслей
И сердце вышибает из груди
Морзянку глупых, всеми битых истин.

Я злобно разбиваю пальцы в кровь
О жилы электрической гитары,
Надеясь доказать своей игрой:
Не буду сытым, благодушным, старым.

Не верю! – я всё чаще говорю,
Читая бред заматеревших «гуру»,
Печатно-звездчатному ворю,
Кропающему жалкую халтуру.

Не ставлю цель кого-то уличить,
Мол, сердцем пели, а теперь по ГОСТу...
Пусть жизнь исправно лепит куличи —
Могилы «правд» на творческих погостах.

Пустоцвет

Не нужно, пустоцвет, бракованное семя,
Таким, как ты, дрожать на тоненьких стеблях
И думать, почему Всевышний вас посеял —
Уродовать себя, закапывать себя.

Напрасно, пустоцвет, все поминают Бога,
Все пользуются им в молитвах и стихах.
А помнишь, что сказал покойник-выпивоха,
Ругаясь на тебя, смеясь и чертыха-
Ха-ха-хи-хи-ха-ха? Что ты не прорисован,
Художнику с тобой сплошная маета,
Твой мутный силуэт застыл над горизонтом
Одной ногою – здесь, другой ногою – там.

Не бойся, пустоцвет, не так уж и плохи вы,
Вам некого делить на мёртвых и живых.
Ты видишь тех, кого отправили в архивы.
Они – прочтут тебя, ты – дочитаешь их.

Отрава

И слышишь ты, как тянет небо звук.
И видишь ты, как падает из рук
Пластмассовое детское ружьишко —
И хочется сказать – ну это слишком...
И ты не центр мира, даже не
Сыграешь коду на шестой струне —
Отчаяние, злобу и молитву...
Смотри, опять хорошее налито —
И значит, смерти нет на битый час,
И «я» перевирается вдруг в «нас»,
А «мы» – такая странная морфема,
В которой каждый сам и каждый плох.
Скорби над умирающим теплом,
Сроднившим нас теплом – отравой в венах.

Зима

Зима, прошу, останови свой бег,
Останься навсегда.
Укутай льдом печаль озёр и рек,
В них мёртвая вода.

Снег чистый – белизна бинтов для ран
Измученной земли.
Стань комой – настрадался ветеран...
За что? Как мы могли?

Я знаю: над весной победа – пиррова...
Будь до Конца,
Чтоб люди научились генерировать
Тепло в сердцах.

Сказочное

Похмельный гопник вечером нескладен:
Глаза на лбу, тряётся, пересох.
Тащиться надо за лекарством к Наде.
Дорога напрямки ведёт в лесок.

И вот пошёл он, сумрачный, кряхтящий,
Глядит вокруг – а нет ли где ребят?
Но – пустота. Пивка никто не тащит...
И вдруг – засёк рябину и тебя.

Вы с ней нередко сумерки встречали,
Как две сестрицы, неразлучны с ней.
Ты ей читала все свои печали,
Она роняла капли крови в снег.

Тревожен путь по сказочному лесу.
Ты замолчала. Он сказал «бу-бу».
Глаза его на лоб уже не лезут.
Они ведь у него и так на лбу.

Чистилище

Снежное утро. И плохо мне
С похмелья при свете.
Тянет машины град на холме
Невидимой сетью.

Мне не до них, я беру скребок —
Я чищу дорогу.
Я не улыбчив, как антибог.
Непросто быть богом.

Над головою воняет пар
Вчерашним дымищем.
Чистится, чистится мой тротуар,
Но я не очишусь.

Где-то в сияющем граде ты
Узнала до срока —
Будут не мысли мои чисты,
А только дорога.

Тянется скользкий поток машин
Всё выше и выше.
я соскребаю тебя с души,
Иначе не выжить.

Зимородки

Приветствую вас, братцы-зимородки,
Забывшие про тёплые края!
Я ваш навек, пусть век у нас короткий,
По горло льда и снега, мало водки,
Дым Родины – метели января.

Рождённые зимой, зимы осколки,
Разбросаны по берегу реки,
Ползущей вдаль, – мы часто и подолгу
Глядим в неё. И каждый втихомолку
Замаливает общие грехи.

Мы заняли сторожевые ветви.
Обглоданные ветром ледяным,
Неласковой зимы больные дети,
Мы все умрём,
Но даже после смерти
О жарком лете будем видеть сны.

День рождения – ночь январская

Каждый мой день рождения, в ночь январскую,
Приходят ко мне друзья. Я сижу да царствую —
Пан во главе стола. Бьётся в стекла музыка.
Прошу выпивать гостей и прошу закусывать.

Песни без перекуров поёт нам Витя Цой —
Надеюсь, другие рокеры не обидятся!
Стук за стеной...
– Друзья, нам грозят полицией!
Улыбчиво ностальгия ползёт по лицам их.

Рюмка за рюмкой льются воспоминания —
Забавные и не очень, поздние, ранние.
Греет водяра холодом душу рваную,
Один почему-то пьян я, хотя пьём вравную.

Затемно мы спустились во двор проститься, и
Ругался, шатался, падал я по традиции.
В дружбе клялись до гроба, делились планами...
Снова друзья ушли, не хватает мне зла на них.

Как раньше – хорошо,
Празднично,
Пар изо ртов не шёл

Разве что.

Любаша

Я плоть от плоти постсоветских улиц —
Не верил, не боялся, не просил,
И руки загребущие тянулись
К бутылочным созвездьям что есть сил.

Я в этом деле многого добился —
Ни рюмки, ни стакана мимо рта,
Но вот однажды понял, что допился,
Когда открылся временной портал.

Я слышу танго, и меня корёжит
От судьбоносных сталинских времён,
В которых много девушек хороших,
В которых много ласковых имён.

Одна из них по имени Любаша
Заплакана, грустна и холодна.
Танцуют пары. А к Любаше даже
Не подгребает сука ни одна.

Я понял вдруг, что я – сама природа!
Меня мутит от всякого жлобья!
Я добрый человек такого рода,
Который тем добрей, чем больше пьян.

Я собираю ветром в кучу тучи.
Пора сценарий тухлый поменять.
Сейчас за всё общественность получит
От очень подобрешшего меня!

Не плачь, Любаша! Слёзы смоем ливень.
Смотри, врагов народа мочит дождь.
И чем вода пьяней, тем суетливей
Сбегает с танцплощадки молодёжь.

Плывут со сцены: аккомпаниатор,
Портрет вождя, певица в парике.
Любовь смеётся. Гром грохочет матом.
Ползёт карета «скорой» вдалеке.

Водолей

Я снова развязал... И стыдно мне за это —
Такая чепуха, такая маета.

Я знаю твоего любимого поэта —
Я в прошлое летать, увы, не перестал.

Не смейся надо мной и не ругай в запале.
Летаю в январе – а как же, повод есть!
Смотри, в календаре мы с ним почти совпали:
Он – номер 25, я – номер 26.

Короче, раз в году. Я выглянул устало —
И в 66-м очнулся в пелене.
13 лет прошло, как Сталина не стало,
И сплавили Хруща, и оттепели нет.

Впервые невзначай с ним крепко напились, и
Я с горечью сказал, разбив пустой стакан:
«Но что ей до меня – она была в Тбилиси...»
А он ответил мне: «Хорошая строка!»

Его тогда влекла какая-то актриса,
Пускал он пузыри, кого-то там виня...
Как звали-то её... Марина? Нет. Лариса.
Он что-то говорил, не слушая меня.

А после начал петь, и видел я вживую,
Какая сила в нём, – не высказать перу.
Как будто с миром он схлестнулся в ножевую.
Я с той поры вообще гитару не беру...

В последний раз мы с ним в год 79-й
Попели от души, бухнули... Не хочу
80-й год... Не нужно мне. Не надо.
Вези меня к врачу, толкай меня к врачу.

Я знаю, ты умна, ты веришь в чудотворцев,
Но я совсем другой. Прошу тебя, ты пей
Из этого судьбой разбитого колодца:
Он знает о тебе, он помнит о тебе.

Морфин

Сестра из касты «мед», грустишь слегка...
Как много дряни в вену мне ни влей ты,
Я не услышу запах тростника
И тихую мелодию для флейты.
Я слышу гуул спасительных машин,
Тыр-тыр-трещотку бдительных приборов.
Коли, что хочешь, но не тормози —
Я тут случаен и растаю скоро.
Меня хранит дотошный аппарат.
Пи-пи-пищит то вдумчивей, то чаще.
Пора валить отсюда, ох пора,
Из мира голых и кровоточащих.
Куда? К тебе, сестра из касты «мед»,
Следящая, чтоб я не лез на стену.
Бледнеет силуэт на простыне,
И конь-огонь хрипит, роняя пену.
Встречай меня, сестра из касты «мед»,
Весёлая теперь – и без халата...
Здесь прошлого и будущего нет.
Одна из самых сказочных планет —
Реанимационная палата.

Курилка

Мы гнули трубы – в каждом доме течь.
Течёт дерьмо, и время утекает.
Устали мы, куда нам, сука, бечь...
А жизнь – она хорошая такая.

Ведь есть у нас уютный закуток —
Спокойная и тихая курилка.
Конец работе, день туда утёк.
Болтай, болталка, и дыми, дымилка.

Там чада папиросного стена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.